

Елена Рахманова

КЛИН КЛИНОМ

КЕНТРОПОЛИГРАФ
Комедия
Городская романтическая

Елена Рахманова

Клин клином

«Центрполиграф»

2010

Рахманова Е.

Клин клином / Е. Рахманова — «Центрполиграф», 2010

Надежда обожала своего грузинского князя Ладощу: поселила его у себя в квартире, окружила вниманием и заботой, написала за него диссертацию. Защита прошла с блеском, девушка уже слышала свадебные колокола. Но Ладоща женился на другой, а Надю попросили уступить ему свою должность. Разобиженная девушка помчалась на Волгу залечивать раны в старом, любимом, унаследованном от тетки доме. Но покоя она здесь не нашла: ночью в дом залез какой-то тип, оказавшийся, правда, симпатичным художником, ожил старинный портрет, еще и привидение объявилось – было от чего сойти сума, но Надя – крепкий орешек, она во всем разберется...

© Рахманова Е., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Рахманова

Клин клином

Глава 1

– Ой, девочки, вы не представляете: он – князь! – Надежда обиженно посмотрела на хихикнувших подруг и с вызовом повторила: – Князь! Самый настоящий князь! Ладоса сам мне об этом сказал!

Тут ее позвали к телефону, и она побежала в отдел, бросив через плечо:

– Вы только не уходите, я сейчас вернусь!

Дело происходило под надписью «Место для курения» на лестнице одного из столичных институтов, занимающихся проблемами современной экономики. Помимо шаткого одноногого сооружения для окурков, рядом на подоконнике среди чахлах растений красовалось несколько персональных металлических банок из-под кофе и пива, полных бычков. Однако, как правило, здесь не столько курили, сколько обменивались новостями. А посему зачастую тут толклись и некурящие. Как, например, та же Надежда.

Посмотрев ей вслед, одна из подруг – Ксюша – усмехнулась:

– Князь, а как же! Говорят, у них там все князья, куда ни плюнь.

– Но Надька утверждает, что в Ладосиной семье денег куры не клюют, – возразила вторая подруга по имени Татьяна.

– Тоже мне аргумент! Небось в советские времена мандаринами торговали, вот и разбогатели, – ответила на это неромантическая Ксюша и зашипела: – Тише, Надька возвращается. Еще услышит, о чем мы тут говорим, и обидится.

– Это Ладоса звонил, – запыхавшись, радостно сообщила Надежда. – Хочет, чтобы мы вечером опять встретились. Знаете, у меня такое чувство, что он без меня часа прожить не может! Ведь вчера весь день вместе на работе провели и после тоже...

Глаза ее сверкали, щеки горели румянцем. Как любая влюбленная девушка, светловолосая и сероглазая Надежда Павловна Ивановская выглядела привлекательнее, чем обычно.

– А защита у твоего ненаглядного Ладоси когда? – поинтересовалась Татьяна.

– Через два месяца, в мае, – ответила Надежда. – Сегодня заключительную главу ему отдаю.

– А сам-то он хоть пару абзацев написал? – съехидничала Ксюша и тут же обругала себя за свой острый язык. Ну зачем было поддевать подругу, когда и так ясно, что она видит своего ненаглядного исключительно в розовом свете.

– Зря ты так! – воскликнула Надежда. – Ладоса знаешь какой умный, не чета многим нашим! Уж поумней тебя точно будет. И работает много. А то, что я ему помогаю, так что с того. Хорошая жена должна жить интересами мужа, тогда семья получится крепкая!

– Так уж и жена? – опять не совладав с собой, встряла Ксюша.

– Конечно жена. Будущая! Как Ладоса защитится, так мы сразу же в Сочи поедem. Он меня с родными знакомить будет, – заявила Надежда и, повернувшись, гордо направилась в отдел.

– Ну что ты вечно ее дразнишь? – попеняла подруге Татьяна. – Не видишь, что ли, влюблена в него Надька без памяти. Так дай человеку посмаковать свое счастье... Или ты ей завидуешь?

Ксюша даже задохнулась от подобного предположения:

– Я?! Завидую?! У меня, между прочим, свой муж имеется, не чета этому Ладосе, красавец каких поискать, сама видела. А на этого ты хоть посмотри повнимательнее! Не знаю, как тебе, а мне Ладоса даром не нужен.

– Парень как парень, – пожалала плечами Татьяна. – Ну, может, поноват немножко.

– «Поноват немножко»! Да он как раскормленная хрюшка!

В словах Ксюши была лишь доля правды. Не хрюшка, конечно, но был Владимир Автандилович Мгеладзе довольно упитан. Однако не сказать, чтобы уродлив. Его густые, падающие на лоб черные волосы, широкие, четко очерченные брови, яркие темные глаза и гладкая матовая кожа были определенно хороши. Портили картину лишь упругие полные щеки и пухлые, почти девичьи губы. И естественно, живот – округлый, пока лишь слегка проявляющий желание прорваться сквозь препоны модной рубашки и пиджака. Но пройдет совсем немного времени – и он заявит о себе весомо и зримо. Как пить дать заявит.

Однако выросший преимущественно в заботливом женском окружении – отец, видный правительственный чиновник, умер лет пятнадцать назад, – где его баловали и всячески превозносили до небес, Ладоса ни секунды не сомневался в своей исключительности. Будь то внешний облик или умственные способности. То, что Надежда Павловна Ивановская, кандидат экономических наук, возглавляющая один из отделов института, влюбилась в него чуть ли не с первого взгляда и вызвалась помочь с написанием диссертации, он воспринял как само собой разумеющееся. А со временем и сам вспыхнул к ней ответными чувствами. Ему всегда нравились тоненькие, легонькие, светленькие девушки с ясным взглядом.

А Надя была светленькой не только снаружи, она словно светилась изнутри. И чем больше Ладоса общался с молодой женщиной, тем больше находил в ней приятности. Это только когда дело касалось работы, Надежда Ивановская была бескомпромиссна и тверда как сталь. Точнее, как остро отточенный, изящный клинок. А с ним, со своим милым и ненаглядным, она делалась мгновенно мягкой и нежной, уступчивой и податливой...

Когда Ладоса рассказал о своей новой знакомой маме, Ариадна Теймуразовна подумала немного и сказала:

– Ты у меня мальчик умный. Сам знаешь, как тебе поступить. Только не обещай ничего раньше времени.

– Не волнуйся, мамочка. Не буду, – заверил мать послушный сын.

А к чему обещать, когда и без слов все было ясно. Если молодой человек чуть ли не каждую неделю преподносит девушке цветы, водит в дорогие рестораны, делает подарки... и ни с кем другим больше не встречается, если остается на ночь в ее квартире и говорит всякие красивые слова про русскую березку, которая украсит собой суровый горный склон, какие могут быть сомнения, что ждет молодых людей впереди?

Поначалу Ладоса снимал квартиру, а затем это показалось обоим излишним. Зачем, раз после работы они все равно ехали к Надежде? А она мало-помалу изучила грузинскую кухню и теперь запросто готовила чахохбили и сациви, хачапури и лобио, так что Ладоса действительно приходил к ней как к себе домой. В шкафу и в прихожей лежали и висели его вещи, на мониторе светились понятные лишь посвященным фразы о том, что «интеграционные блоки среди стран СНГ не будут в ближайшее время представлять собой РИС адекватное ЕС», и знакомые с детства запахи доносились из кухни. Живи и радуйся.

Именно этим Ладоса и занимался. Причем самозабвенно.

Защита прошла с блеском. Особо отметили хороший русский язык, которым просто и емко была изложена сложнейшая экономическая проблема, а также предложен интересный и тщательно аргументированный подход к ее разрешению в современных условиях.

Надежда сидела в заднем ряду, как простая смертная, и внимала знакомым словам с замирающим сердцем. Словно они и вправду были написаны не ею, а сотрудником столичного

научно-исследовательского института, подающим большие надежды молодым ученым-экономистом В. А. Мгеладзе. Последующее за защитой застолье было изобильным, красиво сервированным, украшенным цветистыми кавказскими тостами под настоящее грузинское вино...

– Ну, ты как? – спросила подругу Татьяна. – Наверное, с ног падаешь от усталости и волнения.

– Есть немного, – ответила Надежда и отхлебнула из бокала, который держала в руке. – Но это не главное. Главное – все уже позади. И как все замечательно прошло, ты видела? Как Ладоса прекрасно смотрелся! А как говорил!..

– Это ты ему слова писала или он сам сподобился? – поинтересовалась подошедшая Ксюша, засовывая в рот тарталетку с паштетом из гусиной печенки, отчего вопрос прозвучал невнятно.

Однако Надежда расслышала и зыркнула на нее сердитым взглядом.

– Даже в такой момент язык попридержать не можешь, – обиженно произнесла она и собралась было демонстративно покинуть подруг, но Ксюша состроила жалобную мину и попросила:

– Ну прости. Сама не знаю, как это у меня получается. Вроде хочу сказать что-то хорошее, а выходит совсем наоборот.

– А ты думать, прежде чем рот раскрыть, никогда не пробовала? – не хуже Ксюши съязвила Надежда, но было видно, что продолжать начавшуюся ссору она не расположена. Уж слишком момент был радостный.

– Все, больше не буду, – пообещала Ксюша. – Сегодня уж точно. Пойдем лучше еще чего-нибудь вкусенького съедим.

– Вы идите, а мне кусок в горло не лезет, – сказала Надежда и, отойдя в укромный уголок, стала наблюдать за тем, как Ладоса о чем-то беседует с заместителем директора института по научной части. Точнее, почтительно внимает тому, что ему говорят.

«Наконец-то Ладосу заметят и по достоинству оценят», – думала она, безмерно гордясь своим возлюбленным и уже совершенно забыв о том, кто и кому писал «эпохальный» труд, который «внесет свой вклад в дело развития на современном этапе», ну и так далее и тому подобное...

В горле опять пересохло, и Надежда снова отпила из бокала, не чувствуя вкуса замечательного вина...

Домой приехали ближе к вечеру и по отдельности: сначала – Надежда, через час – Ладоса. Правила игры были дотошно соблюдены: у этого торжества мог быть только один виновник, остальным следовало уйти в тень.

Только переступив порог своей квартиры, Надежда поняла, как безмерно устала. Но тем не менее она заставила себя поправить макияж и прическу и села ждать новоиспеченного кандидата экономических наук. Даже туфли на шпильках скидывать не стала.

Сияющий Ладоса явился с охапкой цветов.

– Это тебе, держи, – сказал он, вручая Надежде букеты. – Фу, как же я вымотался, если бы ты только знала!

Пройдя в комнату, он плюхнулся на диван и ослабил узел галстука.

– А ты слышала, как тот оппонент в очках, ну, Аркадий Петрович Монарский пытался подловить меня на последних зарубежных разработках? Но у нас с собой было...

Он притянул Надежду к себе, обнял за плечи и стал рассказывать о прошедшей защите так, будто ее там и не было вовсе, словно не она переводила ему из зарубежной научной периодики все, что имело отношение к теме диссертации. Тем не менее, слушая своего ненаглядного Ладосу, Надежда млела от восторга. Это был миг его триумфа, и ничто не должно было омрачить счастливых мгновений.

Часа через полтора, когда каждое сказанное ему или им слово, каждое дружеское похлопывание начальства по плечу, безобидные шуточки и язвительное подтрунивание коллег были обсуждены со всех сторон, Ладосказал, что, пожалуй, пора ложиться спать.

– Ты только цветы куда-нибудь поставь, чтобы не мешались, – зевая, пробормотал он и, не без труда поднявшись, отправился в ванную.

Надежда с грустью посмотрела на букет красных роз, обошедшийся ей в огромную, по ее меркам, сумму денег. Он стоял на столе прямо перед носом Ладоса, а тот его даже не заметил. Эхе-хе. Но, может быть, странно требовать от мужчины, чтобы он обращал внимание на такие чисто женские заморочки, как цветы...

Надежда поднялась и, ковыляя на своих шпильках – благо не видит Ладоса, – собрала букеты в охапку и поплелась с ними в кухню. Но постепенно общение с прекрасными розами, гвоздиками и хризантемами улучшило ее настроение. Все-таки цветы – это такое восхитительное творение природы, и она будет любоваться ими. Они украсят ее квартиру. А завтра, вполне возможно, Ладоса увидит алые розы на столе и спросит...

– Эй, ты чего там застряла? У меня глаза слипаются, а постель еще не разобрана, – раздалось из спальни.

Мгновенно стряхнув с себя свинцовую усталость и заставив переступать ноющими ногами, как топ-модель на подиуме или гарцующая на арене лошадь, Надежда устремила на зов.

– Слушай, Ладоса, а что ты собираешься делать... – начала она чуть позже, забираясь к нему под одеяло.

– Все разговоры о делах оставим на завтра, а сейчас спать, – сонно пробормотал Ладос и повернулся к ней спиной.

– Хороший мой, любимый мой, – прошептала Надежда, глядя его по плечу. – Самый умный, самый замечательный...

– Угу, – приглушенно донеслось из-за бугра, покрытого атласным стеганым одеялом.

Глава 2

Она сбилась с ног, покупая подарки многочисленной сочинской родне Лadoши и по привычке стесняясь говорить ему, во что они ей обошлись. Ну какие могут быть счета между будущими супругами!

Лadoше же было не до подарков. Он не вылезал из кабинетов начальства, где решалась его судьба. С самого начала было ясно, что успешная защита кандидатской диссертации отразится на его положении в институте. А уж такая блестящая защита, какая имела место, тем более.

Хотя не только подружки Надежды знали, кто в действительности занимался анализом собранных данных и кому принадлежат сделанные выводы и предложения, у всех словно в одночасье отшибло память, особенно у руководства – солидных маститых дядечек. «Вот она, пресловутая мужская солидарность. Ну не могут они допустить, чтобы женщина была хоть в чем-то лучше их», – посмеивалась Надежда, когда в ее присутствии коллеги мужского пола распинались о достоинствах Лadoшиной диссертации.

Самое любопытное, что тот находил это само собой разумеющимся и внимал каждому их слову как непреложной истине. «Ну и что с того, – ничуть не обижаясь, думала Надежда. – Ведь он вполне мог написать все это и сам, даже, может, еще лучше. Он же такой умница».

«Умница» же, вконец уверовав в свою гениальность, отныне не ходил, а носил себя по коридорам института и даже недовольно морщился, когда, забывшись, Надежда в разговоре называла его ласкательным прозвищем. А тут еще пополз слухок, что, как только в ВАКе утвердят диссертацию, Лadoша возглавит научное подразделение, в состав которого войдут три нынешних ведущих отдела, в том числе и Надеждин.

В иной ситуации девушка порадовалась бы за своего возлюбленного. Но получалось, что она попадет к Лadoше в подчиненные. Одно дело – одновременно помочь выдать ее идеи за его собственные. Другое – постоянно выслушивать его указания и исполнять их... Хотя вряд ли. Отдел останется за ней, она по-прежнему будет сама себе хозяйка, а с начальством всегда можно договориться, чтобы ей не мешали. Тем более если таким начальством будет ее Лadoша.

Когда подобная мысль впервые пришла Надежде в голову, она словно взглянула на своего избранника со стороны, и маленький такой червячок сомнения зашевелился в ее душе. Но она тут же прогнала прочь неприятное ощущение, и Лadoша воссиял прежним блеском не подверженного порче кумира. А потом предотъездная суета захватила Надежду целиком и полностью...

* * *

– Они меня встретили как родную, – с придыханием шептала Надежда в трубку своей приятельнице Татьяне. – Когда приеду, расскажу подробнее... Нет, я живу не у них, а у Лadoшиной старшей сестры... Почему-почему? Не принято: мы же еще официально не расписаны. У них в семье не так, как у нас. Все-таки старинный княжеский род... Ой, зовут. Прости, не могу больше говорить, идем в гости к двоюродному брату Лadoши. Передавай привет Ксюше. Пока. Целую.

Их действительно встретил в сочинском аэропорту муж сестры Лado по имени Нико и на серебристом новехоньком «мерседесе» повез новоиспеченного кандидата наук и его спутницу в дом его матери. Белый двухэтажный особняк стоял за ажурной оградой, и перед ним бил небольшой фонтан. Верхний этаж нависал над нижним, бросая тень на выложенную каменными плитами открытую террасу, столбы и решетчатое ограждение которой были обвиты виноградом.

Ариадна Теймуразовна ждала их в гостиной, восседа в большом кресле, обитом малиновым бархатом, а вокруг стояли празднично одетые сородичи – от девочек в пушистых сборчатых платьицах с блестками и мальчиков в галстуках-бабочках до пожилых матрон и солидных усатых мужчин. Как позже выяснилось, родня была не только из Сочи. «Она как царица в окружении свиты», – подумала Надежда и оробела, когда надо было шагнуть вперед и поздороваться с мамой Ладом.

Но Ариадна Теймуразовна сама поднялась ей навстречу, раскрыв объятия.

– Мой сын столько много хорошего говорил о тебе, моя девочка, что отныне ты мне почти как дочь, – прочувствованно произнесла она и обняла Надежду.

Девушка облегченно перевела дыхание и сморгнула слезу. Все было как в волшебном сне. Затем ее стали знакомить с собравшимися в гостиной людьми. Надежда улыбалась, здоровалась, называла себя и с ужасом понимала, что непривычные имена тут же вылетают из ее головы. Время от времени она испуганно оглядывалась на Ладосу, но ему было не до нее – настолько плотно его обступили родственники и близкие друзья дома. А тут еще детям вскоре надоело вести себя чинно, и они с веселыми криками устроили беготню, усиливая шум, от которого у Надежды голова шла кругом.

Хотя Ариадна Теймуразовна с самого начала предложила «из уважения к столичной гостье» говорить только по-русски, с каждой минутой вокруг все чаще и чаще стала звучать гортанная грузинская речь. Даже у Ладоси вдруг прорезался такой сильный акцент, которого в Москве за ним не наблюдалось.

«Странно, – подумала Надежда, ловя себя на том, что и сама уже произносит многие слова по-иному. – Оказывается, грузинский акцент заразителен». Ей вспомнились их соседи Шаймердяновы, татары по национальности. И родители, и трое детей, прекрасно владея родным языком, говорили по-русски совершенно чисто. По речи нельзя было определить, какого они роду-племени, тогда как грузины словно были не в силах избавиться от родного выговора...

«А вот если бы Ладоса был шпионом и его заслали бы, предположим, в Англию, как бы он тогда...»

Но додумать эту увлекательную мысль до конца Надежда не успела – всех позвали к столу. И тут ее поджидало неожиданное разочарование. Оказывается, все грузинские деликатесы, которые она так старательно, соблюдая все наставления поваренных книг, готовила у себя дома, не шли ни в какое сравнение с тем, чем сейчас потчевали гостей. По внешнему виду блюда были очень похожи, а по вкусу – нет. Скорее всего, суть заключалась в пряных травах, выращенных под южным солнцем и сорванных только что, в парном мясе, выбранном с тонким знанием дела, и в волшебном «петушином» слове, которое любая настоящая хозяйка знает, да не каждому скажет.

Надежде уделяли много внимания, за ее здоровье пили, ей улыбались. Она ни секунды не оставалась предоставленной самой себе. Это утомляло, но и наводило на мысль, что с простой гостьей так бы носиться никогда не стали.

А под конец застолья запели. Правда, только мужчины. Надежда была потрясена слаженностью и многозвучностью этого пения. Она заслушалась и, даже не имея музыкального образования, сумела по достоинству оценить пение.

– Ладоса, можно подумать, будто все твои родственники из одного профессионального хора, – еле слышно произнесла она, когда представилась возможность.

– Ну, у нас все так поют, – гордо ответил Ладос.

– Но это же очень трудно, наверное?

– Для грузина нет ничего трудного, – усмехнулся он. – А петь в унисон у нас считается постыдным.

Надежда притихла, вся во власти волнующего ощущения: пройдет совсем немного времени, и она станет членом такого необыкновенного, замечательного семейства. Что называется, в прямом смысле из грязи да в князи. Но выходит, и она чего-то да стоит, раз Ариадна Теймуразовна, явная глава рода после смерти своего супруга, сразу же назвала ее дочкой. Теперь бы только не разочаровать будущих родственников, оказаться на высоте положения...

Правда, ближе к вечеру, когда часть гостей стала расходиться, а часть отправилась наверх, видимо в приготовленные для них комнаты, случилась небольшая заминка. Хозяйка дома подошла к Надежде и сказала, улыбаясь совсем по-родственному:

– Наденька, дорогая, надеюсь, ты поймешь нас. Вы с Ладом для всех только коллеги по работе. Мне будет неудобно перед родными и соседями, если ты останешься ночевать у нас дома...

Надежда растерялась.

– Но как же тогда быть? – промямлила она.

– Не волнуйся, моя девочка. Ты будешь жить у Мальвины, моей старшей дочери. Она замужем, у нее дети, так что никто не сможет сказать про них ничего предосудительного. Хорошо?

Надежда неопределенно пожала плечами:

– Хорошо, – и оглянулась, но Ладом рядом, как назло, не оказалось. Он о чем-то разговаривал, кажется, со своим двоюродным дядей.

Мальвина подошла и выжидающе посмотрела на Надежду. К ним тут же присоединились Ладом и муж Мальвины Нико.

– Ну как, все в порядке? – спросил Ладом, обращаясь ко всем сразу, и Надежда поняла: он в курсе того, что ей придется сейчас уехать с чужими людьми неизвестно куда.

Значит, мама успела с ним переговорить и ее предложение не встретило у Ладом возражения. Надежде стало обидно. Ведь можно было бы объявить всем, что она его невеста, тогда отпала бы нужда огород городить. Но может, она чего-то недопонимает?..

– Не расстраивайся. Мы все равно каждый день будем вместе, – шепнул ей на ухо Ладом, когда огорченная Надежда садилась в машину, где уже сидели Мальвина – на переднем сиденье, рядом с мужем, – и их дети-двойняшки – на заднем.

Пока ехали по городу, Надежда, чтобы прогнать из сердца чувство растерянности и тревоги, общалась с детьми. Девочка с огромным бантом и в пышном платье трещала без умолку. Ее брат вступал в беседу солидно и с чувством собственного достоинства, время от времени толкая болтушку сестру в бок, если считал, что та говорит лишнее. А вот их родители вели себя не так непосредственно. Очень вежливо, очень любезно, но при этом со странной внутренней напряженностью. Не будь в машине детей, Надежде было бы очень неудобно в их обществе.

Она украдкой посмотрела на женщину впереди себя. Имя, которое ей дали при рождении, можно было бы счесть насмешкой, если бы кто-то осмелился усомниться в родительских чувствах ее отца с матерью. Высокая, худощавая, с прямой спиной, Мальвина поражала какой-то солдатской выправкой и неженственностью движений. Черты ее смуглого лица были крупны и грубоваты, а усики, которые отнюдь не портили внешность ее матери, смотрелись у Мальвины как бутафорские, призванные подчеркнуть их несуразность на женском лице. Даже окрашенные в светлый цвет волосы не спасали ситуации. Жесткие и непослушные, они не желали лежать красиво, а предательская чернота у корней появлялась, вероятно, дней через пять после посещения парикмахера.

«А ведь родился Мальвина мальчиком, все недостатки внешности смотрелись бы достоинствами. И в ее взгляде не было бы тогда этого выражения покорности, чуть ли не раболепства, с каким она смотрит на Нико, – подумала Надежда. – Вот бы первым на свет появился Ладом, а Мальвина второй...» Она представила своего суженого в виде девицы. Округлень-

кая, кудрявая, с пухлыми влажными губами; глаза маслинами блестят на гладком, чистом лице. Да, девица получилась бы на загляденье. Парни бегали бы за ней толпой.

«Несправедливо как-то получается, – продолжала размышлять Надежда. – Как бы подошли к облику Мальвины размашистость жестов и резковатость черт лица, родись она мальчиком! Они наверняка смотрелись бы проявлением решительности и властности характера. А так она словно старалась выглядеть незаметнее, меньше, чем есть на самом деле, отчего еще больше выпячивались ее неуклюжесть и громоздкость...»

Серебристый «мерседес» затормозил на набережной, у дома с частично отлетевшей лепниной и фигурным чугунным козырьком над входом. Дети выскочили из машины, за ними следом вылезли взрослые.

Квартира сестры Ладос располагалась на третьем этаже, и из окон было видно море. Надежде отвели комнату рядом с ванной, лучшую в квартире, как она поняла чуть позже. Судя по всему, то, что она будет жить именно здесь, было решено заранее, еще до ее приезда. И Надежде опять стало обидно. Ну почему Ладоса не удосужился предупредить ее, тогда она совсем по-другому воспринимала бы свое поселение вдали от любимого. Неужели ему было наплевать на ее чувства?

Впрочем, разумнее всего было оставить этот вопрос без ответа и надеяться на то, что завтрашнее утро принесет с собой только радость, а все обиды развеются как дым, как пред рассветный туман. Тогда в сердце Надежды появится твердая уверенность, что все идет как надо, просто она от усталости и избытка впечатлений нафантазировала себе невесту что.

Действительно, со следующего дня началась такая круговерть знакомств, обедов, ужинов, посещений местных достопримечательностей, где обязательно оказывался кто-то из друзей дома Ладос или близких родственников, что Надежде стало не до обид и уж тем более не до размышлений на тему, имеет ли кто-то что-то против нее или нет. Не успевали опуститься на землю сумерки, а она уже мечтала очутиться в постели и дать отдых усталым ногам и гудящей, как чугунный котел, голове. «Еще немного – и я не выдержу», – с тревогой думала Надежда каждый вечер, засыпая. А назавтра все повторялось сызнова.

Помогала держаться лишь мысль, что с ней недаром носятся как с писаной торбой. И она отчаянно пыталась запомнить, как зовут новых знакомых, от чистого сердца хвалила очередное восхитительное блюдо, опасаясь при этом, что больше в нее не влезет ни кусочка, и сожалела, что совсем не разбирается в винах. Надежда уже успела понять: то грузинское вино, что продается в Москве, зачастую является грузинским только по надписи на этикетке.

– Нэту у нас столько винограда, дарагая Надэнька, – пояснял ей очередной родственник Ладос, наливая в хрустальный бокал божественный напиток такого красивого гранатового оттенка, что им хотелось прежде налюбоваться, а потом уже выпить, – сколько у вас, в Масквэ, грузинского вина продается.

Надежда кивала и улыбалась. Затем опять кивала и снова улыбалась. Как можно было не полюбить всех этих милых людей, которые старались ей угодить. И еще она ждала, когда же Ладоса наконец произнесет во всеуслышание заветные слова. И кажется, дождалась.

Наступил десятый – последний – их день пребывания в Сочи. Самолет в Москву вылетал в половине седьмого вечера, и Надежда уже с утра упаковала свои вещи. Оставила лишь те, что могли ей понадобиться в первой половине дня.

Естественно, им предстоял торжественный прощальный обед в доме Ариадны Теймуразовны. За Надеждой заехал Ладос на знакомом «мерседесе». На этот раз в машине они оказались одни.

– А Нико с Мальвиной как же? – удивленно спросила Надежда.

– О них не беспокойся. Они приедут попозже, – ответил Ладос, со странной ласковостью поглаживая руль серебристого автомобиля. – А нам надо поговорить наедине. Я хочу предупредить тебя заранее...

Надежда замерла в радостном предчувствии – сейчас, сейчас свершится! – и не сразу поняла то, что сказал ей Ладоша:

– Я не лечу сегодня в Москву.

– Что? Как не летишь? А я?

– А ты полетишь, – ответил он и, притянув за плечи, чмокнул Надежду куда-то в висок. – Прости, так уж получилось. Возникли дела, которые без меня не разрешить. – И он усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Но может быть, и мне тогда лучше остаться? – спросила она. – Я бы тебе помогла...

– Нет, не лучше, – оборвал ее Ладо. – Это, знаешь ли, мужские дела. Я сам справлюсь. Как-никак я глава семейства.

Такого снисходительного, покровительственного и при этом непреклонного тона она от него не ожидала. Надежда неосознанно воспринимала своего избранника как большого симпатичного увальня-карапуза, которого так приятно ублажать и баловать. А оказалось, что Ладо способен проявить твердость характера, когда того требуют обстоятельства. Но что это были за обстоятельства, Надежда не знала и оторопела. Совсем не этого ожидала она от их беседы в уютном салоне пахнущего новой кожей дорогого автомобиля.

– И когда же ты прилетишь в Москву? – спросила она, чтобы хоть что-то сказать.

– Еще не знаю, – уклончиво ответил Ладо. – Но я сообщу тебе, как только это станет известно. В любом случае не позже чем через две недели. У меня же отпуск к этому времени кончится, и надо будет выходить на работу. А теперь поехали. Мама не любит, когда опаздывают к обеду. Представляешь, все уже собрались, а нас нет и нет. Некрасиво получится.

Он добродушно рассмеялся. Однако Надежда его не поддержала. Наверное, правильно говорят, что в каждом монастыре свой устав. Но за те десять дней, что она провела в Сочи, ей не единожды приходилось чувствовать себя не в своей тарелке. Не все укладывалось у нее в голове: пышные застолья в ее честь и откровенная напряженность, если не сказать неприязнь, Мальвины; слова Ариадны Теймуразовны «ты мне почти как дочь» и нежелание Ладо говорить, что она его невеста, и почему он задерживается в Сочи, а ее отправляет в Москву одну.

В расписанной яркими красками картине ее времяпрепровождения в этом южном городе нет-нет да и резали глаз мазки, которые портили общее впечатление вселенской благодати и безмятежной радости.

Надежда задумчиво молчала всю дорогу, но, переступив порог дома Ариадны Теймуразовны, постепенно успокоилась. Она опять оказалась в центре внимания, опять была «почти как дочь», опять улыбалась и кивала собравшимся за столом и мысленно ругала себя за мнительность. «Просто Ладоша проявил себя как мужчина. А мужчине не пристало отчитываться в своих поступках перед кем бы то ни было. Сам же сказал, что он глава семьи, – думала Надежда, обводя взглядом гостей. – Вон их сколько, и многие, возможно, ждут от него помощи или совета. Все-таки он кандидат экономических наук столичного института». А это, как она успела понять, здесь высоко котирировалось.

И все равно сидеть в салоне самолета одной Надежде было нестерпимо грустно. Она ни с того ни с сего вдруг почувствовала себя брошенной.

Однако это ощущение исчезло, едва она вышла в понедельник на работу. Уединиться в обед с подругами не удалось – за столом в их отделе на этот раз собрались не только свои, но и пришедшие сотрудники. Всем хотелось послушать Надеждиных рассказы и попробовать привезенные ею вино, фрукты и сладости.

Она перескакивала с темы на тему. Начинала петь дифирамбы обаятельнейшему двоюродному дяде Ладо и переходила на грузинские вина. Перечисляла тосты, произнесенные в ее честь, и вдруг ловила себя на том, что описывает брошь с изумрудом, которая была на Ариадне Теймуразовне в день прощания. Удивлялась, как похожи и одновременно не похожи друг на

друга дети Нико и Мальвины, и тут же сообщала, что окна их квартиры выходят прямо на набережную. Это так престижно! Вот только серебристый «мерседес» как-то не вяжется с их квартирой, в которой уже давно следовало бы сделать ремонт. Но это, конечно, на ее, Надеждин, взгляд.

С каждой секундой воспоминания – такие яркие, такие праздничные – обретали над Надеждой все большую власть, вытесняя из памяти и из сердца тревожные тени сомнений и обид. «Надо быть полной идиоткой, чтобы желать чего-то еще», – подумала она. А тут еще Ксюша, слегка захмелев от выпитого киндзмараули, обняла подругу за плечи и произнесла, для убедительности сопровождая слова размашистыми движениями головой, отчего ее хвост качался наподобие маятника из стороны в сторону:

– Ты прости меня, Надька, за то, что я подтрунивала над твоим Ладощечкой. Видимо, он действительно тебя любит по-настоящему, сильно-сильно, крепко-крепко, раз с тобой так там носились, – и смачно поцеловала ее в щеку. – Ты хоть меня на свадьбу пригласишь?

– А как же! – воскликнула Надежда, обнимая Ксюшу. – Куда же я без вас с Танькой! Без вас мне никак нельзя. Вы будете моими подружками. Тань, ты где?

– Тут я, – невнятно отозвалась вторая подруга, которая в этот момент зубами сдергивала сладкую бусину чурчхелы с нитки. – А что?

– Ты моей подружкой на свадьбе будешь? – поинтересовалась Надежда.

– Спрашиваешь! – ответила Татьяна. – Попробовала бы ты меня не пригласить! А что, если мы с Ксюхой себе одинаковые платья сошьем или купим? Как тебе такая идея?

– Здорово! Только надо, чтобы ваши платья с моим сочетались, – заявила Надежда, уже видящая себя невестой.

– А вот и не здорово! – возразила Ксюша и, вставая, слишком резко отодвинула стул пятой точкой. Ее поддержали, не дав упасть. – Ну-ка, подь сюды!

Не совсем твердой походкой она направилась за шкаф, разделяющий отдел на две зоны: так сказать, производственную и бытовую. На дверце, обращенной в сторону входа, красовалось зеркало. Оно-то и нужно было Ксюше. Заинтересованная, Татьяна последовала за ней.

– А теперь смотри, – потребовала Ксюша, ставя по-другу рядом с собой.

В зеркале отразились две молодые женщины лет тридцати. То, что одна была замужем, но без детей, а другая – разведена и одна воспитывала восьмилетнего сына, представлялось сейчас не суть важным. Их внешность – вот в чем крылся корень проблемы. Высокая длинноволосая брюнетка Ксюша, с ногами, что называется, от верхних коренных зубов и в неизменной мини-юбке, отличалась от пухленькой, миниатюрной, коротко стриженной Татьяны, отдающей предпочтение брюкам и блузкам-размахайкам, как цапля от воробья.

– Ну и в каких одинаковых платьях ты нас видишь, дорогая моя подруженька? – поинтересовалась Ксюша, выразительно поводя бедрами.

Эти движения удивительным образом совпали с ритмом песни «Ах, вернисаж, ах, вернисаж», что лилась из редко выключающейся радиоточки над холодильником. Татьяна подхватила ее движения, и, обнявшись, обе девушки принялись исполнять танцевальные па вместе со своими двойниками в зеркале. Когда песня кончилась, подруги уже и не помнили, что привело их сюда. Зато в памяти тут же всплыло, что происходит по ту сторону шкафа.

– Эй, вы про нас не забыли? – озабоченно крикнула Ксюша и, схватив Татьяну за руку, потащила ее вокруг шкафа. – Что-нибудь нам оставили, оглоеды?

– А вы чего там застряли? – спросили их, но тут же успокоили: – Тут еще и на завтра останется, не переживайте. Наливать?

– А как же! Когда еще сподобимся настоящего грузинского вина выпить! – воскликнула Татьяна, плюхаясь на стул и подставляя пластиковый стаканчик.

– Очень даже скоро, – сказала Ксюша, подмигнув Надежде.

Та довольно зарделась и изобразила смущение...

Если весь рабочий процесс в тот день пошел насмарку, то общение в трудовом коллективе просто не оставляло желать лучшего. Разошлись, однако, ровно в шесть, предвкушая, что и на следующий день найдется чем продолжить сладкую жизнь...

Глава 3

В течение первой недели они перезванивались каждый вечер и говорили подолгу. Поначалу Ладоса звонил Надежде, потом как-то незаметно они поменялись ролями. И теперь уже она признавалась, как ужасно соскучилась, как считает минуты до его возвращения, как безмерно любит его, а он отвечал сдержанно и отделялся короткими фразами, ссылаясь на занятость и желание поскорее покончить с неожиданно навалившимися на него проблемами.

И вот наступил момент, когда, услышав ее: «Здравствуйте, Ариадна Теймуразовна. Это Надя. Позовите, пожалуйста, Ладосу», ей ответили без приличествующей теплоты в голосе:

– Его сейчас нет дома. Как только представится возможность, Ладос тебе перезвонит. Всего доброго, Надя.

Нет дома в половине двенадцатого ночи? К тому же они договорились созвониться именно в это время. Надежда растерялась, потом, естественно, нашла сему факту массу объяснений. Да мало ли что могло произойти – было основным. Тем не менее ей сразу стало одиноко, даже взгрустнулось. Но Надежда утешила себя тем, что они поговорят завтра дольше обычного, только уж она Ладосе сама ни за что звонить не станет. Пусть вымаливает у нее прощение за то, что нарушил обещание, заставил ее переживать.

Проигрывая в воображении предстоящий разговор, Надежда пришла в прекрасное расположение духа и уснула, предвкушая волнительную «разборку» по телефону. Сладкоречивый Ладоса будет умозрительно «валяться в пыли у ее ног», а в конце она милостиво, всепрощенчески протянет ему руки, которые он покроет благодарными поцелуями...

Радужное настроение, похоже, не покидало Надежду всю ночь, потому что проснулась она со счастливой улыбкой на губах. А сладко потянувшись, улыбнулась еще шире, вспомнив, о чем грезил накануне вечером.

Придя на работу, она узнала, что ее вызывает заместитель директора института по научной части.

– Чудненко, – промурлыкала Надежда и привычно поправила волосы, проходя мимо зеркала.

Такое случается довольно редко, но сегодня она себе самой очень нравилась. «Я просто прелесть что такое», – сообщила Надежда своему отражению и, пять минут спустя поздоровавшись с Ирочкой, молоденькой секретаршей шефа, без каких-либо дурных предчувствий открыла массивную филенчатую дверь кабинета Александра Марковича Пржежецкого. За глаза – просто Жеже.

Традиционный обмен приветствиями с шефом никак не отразился на ее настроении. Более того, Надежде очень захотелось как-то подбодрить сидящего напротив нее в глубоком кожаном кресле пожилого грузного мужчину, которому в советские времена прочили славное научное будущее. Но экономика – очень уж верткая особа, все время норовит повернуться неожиданной стороной.

«Наш Жеже, как Колосс Родосский, постоянно находится в неустойчивом положении. Одной ногой он укоренился в социалистическом прошлом, а другой вроде как уже нащупал бугорки и пригорки капиталистического сегодня, но встать на всю ступню никак не решается», – подумала Надежда, ожидая, что ей скажет шеф. А тот, насупившись, молчал и перебирал бумажки на столе.

«Придется помочь», – решила она и радостно произнесла:

– Знаете, Александр Маркович, а я тут ездила в Сочи, познакомилась с семьей Владимира Автандиловича. Вы не представляете, как он тепло отзывается о вас. Все вас там считают просто гением!

Странно, но «гений» насупился еще сильнее и побагровел, словно ему предстояло сделать что-то крайне неприятное и он все никак не мог на это решиться.

– Кхе-кхе, – натужно кашлянул Александр Маркович и, не поднимая глаз от поверхности стола, невнятно продолжил: – Кстати, о Владимире Автандиловиче... Вам, должно быть, уже известно, что мы собираемся его повысить... После блестящей... кхе... защиты было бы нецелесообразно держать его на должности, которую... которую...

Он сбился и замолчал, по-прежнему глядя вниз.

– Да, конечно, – ответила Надежда, от всей души жалея Жеже.

– Как? Вы так спокойно говорите об этом? – удивился Александр Маркович и уставился на нее в упор.

Надежда недоуменно пожала плечами:

– А при чем здесь я?

– Как при чем? Но мы же наметили его руководителем вашего отдела. – Теперь уже Александр Маркович не сводил с нее глаз.

– Да нет же, – возразила Надежда. – Вы хотели слить вместе три отдела и сделать Ладос... простите, Владимира Автандиловича начальником этого научного коллектива, тогда как я по-прежнему оставалась бы во главе своего подразделения. Разве нет?

Александр Маркович, неожиданно успокоившись, добродушно развел руками и покачал головой:

– Ну что вы такое говорите, Надежда Павловна! Не кажется ли вам, что Владимиру Автандиловичу еще рановато замахиваться на такие высоты? Пусть лучше пока попробует показать, на что он способен на вашем месте.

Надежду словно пыльным мешком огрели.

– Как на моем? А меня тогда куда же? – растерянno прошептала она.

Александр Маркович опять напрягся, втянул голову в плечи и снова уставился в стол:

– Ну, вы же сами все понимаете: двух начальников не бывает. Кто-то должен кому-то подчиняться...

Воцарившееся молчание было невыносимо тяжело для обоих. Наконец Надежда тихо спросила:

– А Владимиру Автандиловичу известно об этих планах?

– Естественно, известно. Он еще позавчера звонил и интересовался, как продвигаются дела с его назначением на новую должность.

– Ах вот оно что, – пробормотала Надежда и медленно поднялась из кресла.

Она направилась к двери, даже не попрощавшись с шефом, а тот облегченно перевел дыхание, словно гора свалилась с его плеч. Выждав минут пять, он нажал кнопку интеркома и произнес:

– Ирочка, деточка, сделай-ка мне кофейку, да покрепче. И сахарку не жалея... Говорят, сладкое помогает при стрессах, – уже себе под нос пробормотал Жеже последнюю фразу.

– Надька, ну что ты так расстраиваешься! – утешала ее Ксюша, понимая, однако, что это без толку. – Ну, станет твой Ладоса начальником, так все же знают цену и ему, и тебе. И он, между прочим, тоже. Не будет он тебе ни в чем поперек дороги становиться. Как скажешь, так и сделаешь.

– Вот-вот, – подхватила Татьяна, у которой от огорчения за подругу глаза были уже на мокром месте. – И потом, на кой, прости, ляд тебе начальственная должность, если ты за своего Ладосу не сегодня завтра замуж выскочишь, а там очень скоро у вас детишки пойдут! – радостно, оттого что на ум пришла такая замечательная мысль, закончила она.

– А ведь верно! – воскликнула Ксюша. – Знаешь, как грузины носятся со своими чадами! Да Ладоша с тебя пылинки будет сдувать, когда станет ясно, что ты ждешь ребенка. Он потребует, чтобы ты уволилась с работы, – это как пить дать!

– Усмири свою гордыню и потерпи немножко, – вторила ей подруга. – Это тебе сейчас обидно, а время пройдет, сама увидишь: что ни делается, все к лучшему. Давай успокойся и попудри носик, а то с расспросами приставать начнут: что случилось да что случилось. А ничего у нас не случилось. У нас все лучше всех. Ясно?

– Ясно, – кивнула Надежда и слабо улыбнулась.

До возвращения обожаемого Ладоши оставалось всего три дня: пятница, суббота, воскресенье. И она решила повременить пока с выяснением отношений. Не телефонный это разговор. Сейчас следовало подготовиться к достойной встрече любимого: закупить и наготовить всякой вкуснятины, убрать до блеска квартиру, в воскресенье застелить кровать шелковым постельным бельем. А сегодня вечером обязательно позвонить и говорить с ним как ни в чем не бывало. Действительно, лучше семь раз отмерить и один раз отрезать.

Но ее опередили.

Когда вечером Надежда подняла зазвонившую трубку, то неожиданно услышала голос Ариадны Теймуразовны.

– Надя, здравствуй, – произнесла она. – Я хочу еще раз сказать, как мы все признательны тебе за помощь, которую ты оказала нашему Ладо. Если когда-либо в будущем тебе что-нибудь потребуется от нас, обращайся безо всякого стеснения. Сделаем все, что в наших силах... Но пока больше не звони Ладо, хорошо? Видишь ли, он женится. – Ариадна Теймуразовна замолчала, ожидая реакции на свои слова, но не дождалась. – Для тебя это, наверное, неожиданная новость, – продолжила она пару минут спустя. – Но Ладо с Сонечкой знакомы с детства, и примерно с этого же времени все видели их женихом и невестой.

– Но она же совсем молоденькая, – пробормотала Надежда, внезапно вспомнив улыбчивую девчушку с тонкими чертами лица и в дорогах, не по возрасту нарядах. – Ей еще в куклы играть.

Женщина на другом конце провода снисходительно рассмеялась:

– И тем не менее я не сомневаюсь, что она станет моему сыну хорошей женой...

«А как же я? Я тоже обязательно стала бы вашему сыну хорошей женой. Не просто хорошей, а самой лучшей!» – хотелось крикнуть Надежде, но она закусил губу. Ощущение того, что ничего уже не изменить, овладело ею. Конечно, на ум приходили вопросы: а почему тогда вы так носились со мной? Зачем называли «почти дочкой»? Но ведь «почти дочка» это еще не невеста сына...

– И когда свадьба? – еле слышно прошептала Надежда, не обращая внимания на то, что ей говорят в трубку.

– Свадьба... – Ариадна Теймуразовна слегка опешила оттого, что ее осмелились прервать. – Свадьба в эти выходные, а в понедельник молодые улетают сначала в Париж, а затем на Лазурный Берег. В мое время о таком медовом месяце и не мечта...

Надежда повесила трубку, нимало не заботясь о том, какотреагирует на такую откровенную грубость собеседница княжеского рода.

Раньше по любому поводу, а то и без повода Надежда могла залиться горячими слезами, от которых на душе потом становилось спокойнее и беда уже не казалась такой непоправимой. Сейчас же жестокой судорогой перехватило горло, а глаза словно засыпало мелким сухим песком. Она таращилась изо всех сил, стараясь выдавить из себя хоть слезинку. Где-то на подсознательном уровне Надежда чувствовала, что так ей станет хоть чуточку легче, но ничего не получалось. Свалившееся на нее горе оказалось неподвластно потокам банальных слез. Оно пульсировало внутри, постепенно разрастаясь и заполняя все ее существо, вытесняя все человеческие желания. Ей не хотелось ничего. Жить не хотелось.

И тогда сработал инстинкт самосохранения. Чтобы хоть как-то дать выход грозящим поглотить или разорвать ее мучительным эмоциям, Надежда... заскулила. Тихо-тихо и тоскливо, как скулит собака, поняв, что ее предал хозяин, который был для нее всем на свете...

– Нет, ты только посмотри, какая вопиющая невоспитанность! Швырнула трубку! И это после того, как мы здесь с ней носились! – возмущенно произнесла Ариадна Теймуразовна, обращаясь к стоящему рядом сыну. – Я все понимаю, она расстроилась. Наверняка уже считала, что ты должен на ней жениться. Признайся, у вас заходил об этом разговор?

Ладо чуть смущенно пожал плечами. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Да как тебе сказать... – промямлил он.

– Но в любом случае она должна была знать, что без согласия родителей такие вещи не делаются, – продолжила Ариадна Теймуразовна, предпочитая не замечать состояния сына. – И потом, она же наверняка не интересовалась, есть ли у тебя невеста, так ведь?

– Так, – вяло откликнулся Ладо.

– Ну вот видишь! – радостно воскликнула его мать. – Так о чем еще говорить! Ну, была бы эта Надя на худой конец брюнеткой с темными глазами, тогда еще можно было бы... Хотя нет, – оборвала себя Ариадна Теймуразовна, – перед Сонечкиной родней было бы неудобно. Они такие уважаемые люди, а она просто замечательная девушка!

«Но если в нашей семье не может быть блондинок, то почему тогда Мальвина осветляет волосы?» – подумал Ладо, однако спрашивать не стал. К чему? Ему и так все было понятно. Крашенная брюнетка и натуральная блондинка – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Тут надо смотреть в корень проблемы, а это клановые традиции и, чего греха таить, предрассудки. Но мама есть мама, особенно такая, как его...

– Ну а что скажешь про машину? Понравилась? – ворвался в его размышления ласковый, любящий голос.

– Спрашиваешь! – воскликнул Ладо, просияв улыбкой.

– То-то же! Я специально дала на ней сначала поездить Нико. Чтобы ты со стороны на машину посмотрел и захотел такую же, – произнесла Ариадна Теймуразовна. – Ведь захотел, скажи? Захотел?

– Не то слово – захотел! Чуть не умер от зависти, когда увидел в аэропорту! – признался Ладо.

– Значит, с подарком к свадьбе я угадала?

– Угадала, еще как угадала!

Пришедший в хорошее расположение духа сын благодарно поцеловал мать. Та посмотрела на него с обожанием и в душе возблагодарила Всевышнего за прекрасного сына, которого Он ей послал.

– Ну, иди, иди, дорогой. У нас еще столько дел с этой твоей свадьбой, – сказала Ариадна Теймуразовна и смахнула слезинку со щеки.

* * *

Надежда сама была поражена тем, что в понедельник вышла на работу. Наверное, правду говорят, что у человека невероятный запас сил, только нужна экстремальная ситуация, чтобы высвободить их.

Ксюше и Татьяне потребовался лишь один взгляд на подругу, чтобы понять: случилось нечто ужасное. На Надежде не было лица, двигалась она как сомнамбула. И при первой же возможности выложила им все как на духу за шкафом. Выговорившись, Надежда не почувствовала облегчения, на что, возможно, втайне надеялась. Но теперь хоть она не была один на один со своим горем.

– Вот гад ползучий, – прошипела Ксюша, когда подруга закончила свою исповедь. – И как он собирается тебе в глаза глядеть, когда на работе появится? Ну, я ему еще ту жизнь устрою, – пообещала она. – А ты все князь, князь! Сволочь он последняя, а не князь!

– Да помолчи ты, – шикнула на нее Татьяна, больно ткнув кулаком в бок. – Об этом типчике больше ни слова. Не стоит он того, чтобы о нем помнить!

Ксюша часто-часто закивала и жалобно посмотрела на Надежду:

– Чем мы тебе можем помочь?

– Не говорите пока обо мне никому и ничего, ладно? – попросила та.

– Да мы и не собирались! – хором заверили ее подруги.

– Слушай, а может, тебе недельку за свой счет взять? – предложила Ксюша после минутной паузы. – Хочешь, я с Жеже поговорю от твоего имени? Он в принципе мужик невредный и к тебе хорошо относится.

– Так хорошо, что на мое место сажает Ладошу... – Ставшее вдруг ненавистным прежде любимое имя заставило Надежду перекосяться, как от острой зубной боли.

– Черт, я и забыла об этом, – огорченно вздохнула Ксюша. – Точнее, понадеялась, что все как-нибудь утрясется, останется по-прежнему.

– Не останется, – тихо ответила Надежда. – Жеже сам мне сказал, что Ладо звонил, своей карьерой интересовался.

– Не волнуйся, и без твоей помощи его быстро раскусят. Все и так знают, что ты за него диссертацию писала, сказала Татьяна.

– Мне-то что за радость от этого. Даже не представляю, как смогу находиться с ним в одной комнате, не то что разговаривать, – сказала Надежда.

– Так и вижу, как он лебезить перед тобой станет, – мстительно усмехнулась Ксюша. – Объясняться, прощения просить.

Но Надежда покачала головой:

– Не станет он прощения просить. Я его, можно сказать, смертельно оскорбила. Да и не только его, а всю их высокородную семейку. Просто я вам не все еще рассказала.

Воцарившееся напряженное молчание яснее всяких слов говорило, что, сказав «а», Надежде придется произнести и «б».

Она тяжело вздохнула:

– Я прикинула, когда будет самый разгар свадебного застолья, и позвонила к ним домой... Мать Ладо как-то сказала, что все семейные торжества по традиции устраиваются в их доме, а не в ресторанах там всяких. Места хватает, скажу я вам. Так вот, я позвонила, и трубку взяла сама Ариадна Теймуразовна. Вся такая оживленная, радостная, принимать очередные поздравления настроенная. А я и крикнула: «Будьте вы прокляты вместе с вашим сыном!» Насколько я знаю, к моим словам там отнесутся с большой серьезностью. А что касается настроения, то я его этой двуличной особе точно подпортила. Так что отныне, полагаю, я злейший недруг семейства Мгеладзе и всех их сродников.

Она хмыкнула и замолчала. Молчали и ее ошеломленные подруги.

Надежда была права в том, что ее слова ужаснули Ариадну Теймуразовну. В самый разгар торжества услышать такое, да еще произнесенное со всем пылом души, – этого и врагу не пожелаешь. Причем, как бы ни делала она простодушного лица, объясняя сыну, что Надя ему не пара и нет ничего страшного в том, что он женится на Сонечке, в глубине души Ариадна Теймуразовна знала, как на самом деле называется то, что она совершает. Подлость первостатейная – вот как это называется.

Но ради счастья любимого сына Ариадна Теймуразовна была готова на все. Даже взять грех на душу. А посему она никому не сказала о звонке «почти дочки» из Москвы – все равно назад дороги у нее не было. А что хорошо для дорогого сыночка, ей всегда было известно лучше, чем кому бы то ни было, лучше, чем ему самому. Так что о произнесенном в его адрес

проклятии Лadoша так никогда и не узнал. Но время от времени нет-нет да и возникало у него смутное ощущение, что по собственной воле он лишился чего-то очень-очень важного. И возникало это ощущение именно в тот момент, когда желать большего, казалось бы, просто невозможно...

Глава 4

Александр Маркович даже обрадовался, когда Ксюша положила перед ним на стол заявление от своей непосредственной начальницы с просьбой предоставить той отпуск за свой счет на две недели. Как-то не очень хотелось ему оставаться с глазу на глаз с Надеждой Ивановской.

– С удовольствием, – произнес он, накладывая начальственную резолюцию. – Более того, если у нее возникнет желание продлить отпуск, пусть только предупредит. Я возражать не стану. Что-то она неважно выглядит в последнее время. Наверное, перенапряглась на работе.

«А как тут не перенапрячься, когда за двоих горбатить пришлось, и вместо благодарности тебя же еще и предали самым премерзким образом. Это же никаких ни физических, ни моральных сил не хватит», – мысленно ответила ему Ксюша.

– Спасибо большое, Александр Маркович. Вы такой чуткий человек. Я обязательно передам ваши слова Надежде Павловне, – произнесла она и, взяв подписанное заявление, направилась к двери.

В течение этого короткого разговора не было произнесено ни слова правды, и оба собеседника об этом прекрасно знали. Тем не менее расстались они относительно довольные друг другом. Александр Маркович чувствовал свою вину перед Надеждой, но поступить с ней как-то по-иному не смог: сыграли свою роль звонки известных в научном мире людей и чудесные дружеские застолья, когда вино льется рекой и тебя в ответ переполняет желание творить добро. Но нельзя же облагодетельствовать всех подряд. Вот и приходится выбирать, кем-то жертвовать. И потом – молодой перспективный ученый, блестяще защитивший диссертацию, кто может упрекнуть его в предвзятости?..

Ксюша же, будь ее воля, с превеликим удовольствием обозвала бы Жеже старым козлом, совковым «позвоночником» и беспринципным типом. Но, стоя перед столом шефа, она проникновенно ему улыбалась и была счастлива, что дельце с отпуском выгорело и Надежде не пришлось еще раз переступить порог этого кабинета.

«А там, глядишь, все как-нибудь уладится», – с надеждой думали оба.

– На, держи, – сказала Ксюша, кладя перед подругой на стол оформленный по всем правилам приказ о ее отпуске. – Со следующего понедельника и почти на неопределенный срок.

Надежда резко вскинула на нее недоуменный взгляд:

– Как это – на неопределенный срок? Жеже что, собирается меня уволить?

Ксюша смутилась и принялась поспешно оправдываться:

– Да ты что! Я просто неточно выразилась. Жеже не возражает, чтобы ты продлила отпуск, если возникнет такая необходимость. А так он тебя очень ценит. Столько хорошего о тебе сказал, что я даже...

– Хватит о Жеже, – прервала ее Татьяна, видя, что Ксюша начала фантазировать, а это ни к чему хорошему могло и не привести. – Пусть лучше Надька скажет, куда собирается ехать. Или дома торчать будешь? – напрямую спросила она.

Надежда мотнула головой:

– Дома торчать не буду. Помните, я говорила про тетку Нилу?

– Это которая полгода назад умерла? – поинтересовалась Татьяна. – У нее еще дом где-то в Поволжье был?

– Она самая, – подтвердила Надежда. – Я к ней раньше время от времени наезжала. Даже гостила недели по две, по три. А последние два года отделялась только звонками да письмами... Ну, вы сами понимаете почему. – Она тяжело вздохнула и продолжила: – Так вот, как выяснилось, тетка оставила дом мне и как раз подошел срок вступления в права наследства. Так, кажется, это теперь называется. Вот я и поеду вступать в эти самые права.

– Здравая мысль, – похвалила ее Татьяна. – Чего добру бесхозному пропадать. А там, глядишь, нас к себе в гости позовешь.

– Да я бы с радостью вас обеих прямо сейчас с собой взяла. Так ведь не отпустят.

– Не отпустят, – печальным эхом отозвались подруги.

* * *

Коврюжинск был некогда уездным городом, а ныне его то и дело грозились перевести в разряд поселков городского типа. Из достопримечательностей здесь имелся огромный недействующий собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в начале века местным купцом в благодарность за счастливое разрешение от бремени его супруги младенцем мужского пола. Теперь то, что было возведено на деньги одного человека, оказалось не по силам просто привести в порядок всей местной власти.

Еще там был бело-желтый двухэтажный особняк бывшего градоначальника Новинского, построенный в стиле ампира, с фронтоном, шестиколонным портиком и рельефными медальонами над окнами первого этажа. В доме помещались кабинеты нынешних властей предержащих, включая мэраш Марину Олеговну Наружкину, поэтому дом был как с иголки. А из гипсовых вазонов по бокам парадного входа летом неизменно торчали либо розовые петунии, либо красные герани.

Подъездной круг перед парадным фасадом особняка был заново выложен булыжником, правда, не так мастерски, как прежде: некоторые камни шатались, и в щелях между ними намертво застревали каблучки модниц. Дворовый же фасад выходил в старый запущенный сад, что покато спускался к Волге. Среди зарослей сирени виднелась круглая беседка с закопченными колоннами. Как ни холили и ни оберегали от вандалов свой закуток облагороженной среды начальники, у местной шпаны считалось особым шиком угостить своих барышень шашлыком, зажаренным в памятнике парковой архитектуры.

Особняк, естественно, выходил на центральную улицу, вдоль которой стояли более или менее опрятные, по большей части тоже двухэтажные дома, изредка перемежающиеся новоделом в виде коттеджей со спутниковыми антеннами на крыше, кафешек со столиками перед ними под полотняными тентами. Особо выделялся филиал банка с видеокамерой на воротах и фигурными решетками на окнах.

Боковые улочки были лишь частично заасфальтированы и чем дальше от центра, тем все больше напоминали деревенские. Правда, и здесь попадались заведения типа кафе «Парадиз» и салона красоты «Эйфория», где в витрине на фоне босоногой феи с распущенными волосами значилось среди прочих услуг: «Педикюр и пирсинг пупа».

Дом Надеждиной тетки располагался метрах в пятистах от бело-желтого особняка и при этом вроде как на отшибе. Заросший березами и соснами берег сразу за бывшим барским домом круто вдавался в русло реки, отгораживая следующую часть территории от собственно городской. За этим мысом и стоял дом. Высокий, в два этажа, верхний – из бревен, обшитых потемневшими досками, нижний – каменный, некогда побеленный. На окнах – резные голубые наличники.

Была суббота. Надежда решила повременить с оформлением наследства и прежде немного пожить в доме, привести его по мере надобности в порядок, чтобы почтить этим память тетки, с которой была близка духовно и душевно. Они виделись нечасто, но уже через минуту после встречи вели себя так, словно никогда не разлучались. Начинали разговор с той фразы, на которой прервали его, возможно, месяца три назад. Но они прекрасно понимали друг друга, даже не прибегая к словесному общению. И как бы ни мучило Надежду чувство вины перед теткой за пренебрежение родственными обязанностями, в глубине души она знала: ее простили, а может, и вовсе не таили на нее зла за это.

«Если бы дети любили родителей так, как родители любят детей, то не было бы расставаний и прекратился бы род человеческий», – любила повторять мудрая женщина. И это изречение – Надежда так и не успела спросить у тетки, откуда оно, – напрямую относилось к их взаимоотношениям.

Она подошла к дому, поставила дорожную сумку на траву и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Не было ни следа запустения, заброшенности. Лучи послеполуденного солнца отражались в чисто вымытых стеклах окон. Только между белых занавесок с вышивкой ришелье не красовались горшки с цветами.

«Это все чистый воздух, не чета нашему городскому», – подумала Надежда и, взяв сумку, подошла к калитке в высоком глухом заборе. Она знала, что нужно сделать, чтобы войти во двор: под особым углом повернуть ручку-кольцо, тогда щеколда поднимется. Ключ тоже по-прежнему лежал в условленном месте.

«Все как раньше. Словно ничего и не случилось», – пронеслось в сознании девушки, и она опять чуть не дала воли слезам. Надежде нестерпимо захотелось увидеть тетку, обнять ее, выплакать свою обиду на ее груди, выслушать слова утешения. Она наверняка все расставила бы по своим местам, объяснила бы, что горевать нет причин, научила бы, как себя вести дальше. А так... так ничего не оставалось, как продолжать мучиться и ждать, когда время сделает свое благое дело.

Надежда отперла входную дверь тяжелым, массивным ключом с фигурной бородкой и оказалась в галерейке. Так прозвали не то длинную террасу, не то коридор, что тянулся вдоль всей боковой стены дома. Дверь в противоположном его конце вела в сад. Из галерейки через другую дверь можно было попасть в кухню, а оттуда, если пойти направо – в две расположенные одна за другой комнаты, а если прямо – в комнату тети, окна которой выходили на улицу.

Но Надежда миновала эту дверь и по скрипучей лестнице поднялась на второй этаж, в комнату, в которой всегда останавливалась, когда гостила у тетки. Она уже не удивлялась царящему здесь порядку. Места в доме всегда было достаточно, а тетка любила доподлинно знать, где что лежит. Поэтому и племянница могла ориентироваться здесь с закрытыми глазами.

Между двух окон находился темный комод с парой высоких узких ваз на нем. В них по осени всегда красовались гладиолусы из теткиного сада. Посередине, на кружевной салфетке, под мутноватым зеркалом в резной раме стоял туалетный набор из двухслойного прозрачного с темно-бордовым граненого стекла: две лодочки для расчесок и заколок, два флакона, две пудреницы. На пудреницах – по крохотной фарфоровой собачке.

Слева от комода у стены располагалась полутораспальная кровать с деревянными спинками. Напротив – трехстворчатый шкаф с завитушками поверху. А прямо против окон, около круглого столика на одинокой витой ножке, стояли два старинных кресла с вытершейся и вылинявшей обивкой. Над столиком висел портрет дамы. И хотя Надежда никогда не сомневалась, что это ее тетка в молодости, все равно про себя называла изображенную на нем женщину дамой. У тетки на портрете были высоко взбитые волосы странного пепельно-серого оттенка, глубоко декольтированное, тоже серое платье с рукавами, широкими сверху и сужающимися книзу, и длинная нитка жемчуга на шее. В одной руке, манерно оттопырив мизинец, тетка держала медальон с переплетенными инициалами Н. И. и К. С., в другой, опущенной, – блекло-розовую розу, полузавядшую, с осыпающимися лепестками.

Тетка была намного старше Надежды, и молодой ее она не помнила. И хотя многое на портрете вызывало удивление, расспросить, в честь чего он написан и почему, например, нельзя было нарисовать нормальную красивую розу, она так и не удосужилась. Размытое какое-то изображение, плохо различимые детали – не в пример четким, ярким современным цифровым фотографиям – не позволяли Надежде относиться к полотну как к чему-то по-настоя-

щему стоящему. Но сейчас она улыбнулась ему, как давнишнему знакомому, нет, скорее как старому другу.

– Привет, – кивнула Надежда молодой женщине на портрете. – С тобой мне не будет здесь так одиноко.

Тут она впервые подумала, каково это – остаться одной ночью в пустом доме, и мурашки пробежали по ее коже. В Москве вокруг соседи, за каждой стеной, за каждой дверью, и телефон под рукой. Здесь же Надежда оказалась словно отрезанной от всего остального мира. Перед домом пустошка, с двух сторон деревья, а с третьей, метрах в пятидесяти, крутой обрыв к Волге. Окна ее комнаты выходили на пустое, заросшее травой место, дальше был виден только черный остов полуразобранного, обугленного строения.

– Но ведь тетя жила же тут одна и никогда не жаловалась, что ей страшно, – вслух сказала Надежда, желая звуком собственного голоса развеять ставшую вдруг тревожной тишину. – Буду смотреть телевизор, пока не сморит сон, – решила она и немного успокоилась.

В теткину комнату внизу она пока заходить не стала, оставила это на потом. А пока разложила привезенные с собой вещи и достала из шкафа постельное белье. Сняв накрытые кружевной накидкой две подушки и гобеленовое покрывало, Надежда потянула на себя простыню и вдруг подумала, что могла бы этого и не делать. Белье выглядело совершенно свежим. И действительно, тетка всегда перестилала постель после ее отъезда, так что она спала на нем только пару раз, когда приезжала на похороны и после, на поминки.

«Если ты, детонька, неожиданно нагрнешь на ночь глядя, не придется суетиться, – объясняла тетя. – Все уже будет готово».

Тетки Нилы не было на свете уже полгода, но она как бы продолжала заботиться о своей племяннице.

– Как же я могла забыть об этом, – вздохнула Надежда, руками разглаживая полусдёрнутую простыню. —

Ах, тетя Нила, так и кажется, что ты незримо присутствуешь здесь.

Тетка умерла не дома, так что с ним не были связаны тягостные воспоминания. Неонила Порфирьевна Ивановская – так звалась Надеждина родственница – скончалась в местной больнице. Однажды пасмурным ноябрьским днем отправилась навестить прихворнувшую бывшую одноклассницу, и прямо на пороге ее дома старую женщину хватил удар. Она упала, потеряв сознание. Внук приятельницы по сотовому вызвал скорую, и Неонилу Порфирьевну увезли в больницу. Однако, несмотря на старания знакомых врача и сестер, к утру ее не стало.

– Праведница. Жила хорошо, никому зла не делала и в мир иной отошла легко, без мучений, – вынесла свой вердикт много чего повидавшая на своем веку санитарка баба Даша.

Под влиянием нахлынувших воспоминаний Надежда спустилась вниз, в кухню, и отыскала спрятанную в глубине шкафчика бутылку водки. Это был неприкосновенный теткин запас на случай непредвиденных поломок в доме, справиться с которыми ей самой было не под силу. В суете похорон и поминок Надежда забыла про нее, а сейчас вдруг вспомнила. Сделав себе из привезенных продуктов два бутерброда, аккуратно нарезав огурчик с помидорчиком, присовокупив к ним два лафитничка, она поставила все это на поднос – тетка не любила неряшливости ни в чем – и поднялась в свою комнату.

Там Надежда наполнила две граненые рюмки водкой и одну поставила на столик под портретом, накрыв кусочком черного хлеба. Для этого пришлось сдвинуть в сторону старинную, а может, просто старую керосиновую лампу под расписанным цветами стеклянным абажуром. Взяв вторую рюмку, она села на стул возле кровати так, чтобы видеть изображение молодой женщины, и произнесла, обращаясь к нему:

– Вечная тебе память, тетя Нила, и царствие небесное. Ты была очень хорошим человеком, и я всегда буду тебя помнить и любить. Обещаю.

Она выпила водку залпом и невольно поморщилась. Затем откинулась на спинку стула и задумалась. Пока солнце не зашло, Надежда пребывала в каком-то оцепенении, не столько погружившись в воспоминания, сколько впад в состояние, когда перед мысленным взором мелькают картинки из прошлого, путаясь с фантастическими вымыслами и реальными фактами.

То она, как наяву, видела тетку, зажигающую керосиновую лампу, чтобы маленькой Наденьке было не страшно засыпать по ночам. Только на тетке почему-то было надето длинное серое платье. То вдруг женщина с портрета, но в теткиной шали на плечах застывала в дверях комнаты с букетом гладиолусов в руках...

Когда совсем стемнело, Надежда словно очнулась от забытья и решила, что пора укладываться спать по-настоящему. А то выпавшие на ее долю в последнее время переживания, бессонные ночи в Москве и выпитая здесь без закуски рюмка водки могли сыграть с ней злую шутку. Ей явно было не по себе. Голова гудела, мысли путались, взгляд бездумно перескакивал с одного предмета на другой, ни на чем не задерживаясь, а по спине беспричинно пробегал холодок.

Следуя наставлениям тетки Нилы, которые звучали в ушах, словно пожилая женщина находилась рядом, Надежда с подносом в руках спустилась вниз, вымыла и убрала на место рюмку, затем накрыла перевернутой тарелкой приготовленные бутерброды и поставила на окно за занавеску. На первом – каменном – этаже дома летом всегда было прохладнее, чем на втором. Тетка не все продукты убирала в холодильник, и Надежда знала, где холоднее всего в кухне. Но завтра она обязательно включит старый безотказный ЗИЛ, а сейчас пойдет спать.

От нехитрых дел Надежда, однако, разгулялась и побоялась, что вовсе не уснет, если продолжит возиться в кухне. Для верности – все-таки она впервые осталась одна в доме – Надежда решила выпить снотворного, а то царящая вокруг тишина по-прежнему пугала ее, хотя она и усиленно гнала прочь тревожные мысли. Но стоило скрипнуть половице под ногами или где-то застрекотать сверчку, как она подпрыгивала, словно ужаленная. Только вот то, что смешивать снотворное и алкоголь нельзя, она как-то забыла.

– Нервы ни к черту, – вздрогнув от неясного шороха, вслух посетовала Надежда и вместо одной таблетки проглотила сразу две.

Наверху она разделась, аккуратно повесив часть одежды в шкаф, а часть сложив на стуле. Затем надела плотную ночную рубашку с длинными рукавами, потому что в ней неосознанно чувствовала себе более защищенной, правда, неизвестно от чего, чем в полупрозрачных коротких сорочках. Зажгла керосиновую лампу и легла в постель, до подбородка натянув одеяло.

– Когда пойму, что точно засыпаю, выключу ее, – пробормотала Надежда, глядя на изображение тетки Нилы на портрете.

В желтовато-янтарном свете лампы лицо женщины приобрело натуральный оттенок, в темных миндалевидных глазах задрожали огоньки, придавая им живой блеск, серовато-сизый фон, который раньше напоминал Надежде скомканную грязную вату, вдруг словно задышал, став похожим на клубы дыма. И из него явственно и четко проступили черты молодой женщины...

Глава 5

Она красиво сидела в кресле, сложив руки с длинными изящными пальцами на коленях, скрытых пышной юбкой платья из серебристой парчи. Затянутая в корсет талия казалась очень узкой, а обвивающая шею и затем ниспадающая нитка жемчуга перламутрово светилась в полумраке.

Молодая женщина словно застыла в неподвижности, но ее проникающий в душу взгляд был изменчив и полон жизни. В глубине темных глаз читались и затаенная радость, и ожидание счастья, и смертная тоска. Каждое из этих чувств ей явно довелось испытать, и, казалось, она хотела об этом поведать хоть кому-нибудь. Нет, не кому-нибудь, а тому, кто смог бы ее понять.

«Но это же я. Именно на мою долю выпало узнать, что значит, замирая от счастья, видеть себя в фате и подвенечном платье, а потом выяснить, что тобой просто попользовались», – догадалась Надежда. Она вгляделась в лицо женщины в кресле, и оно потрясло ее странной внутренней красотой. Стало уже не до формы бровей и губ, разреза глаз, она видела душу незнакомки, и та была полна благородными, возвышенными страстями.

– Бедняжка, – беззвучно произнесла Надежда. – Сколько же тебе всего пришлось пережить! Скажи, я могу тебе чем-то помочь?

Молодая женщина молчала, но по ее губам словно скользнула еле заметная грустная улыбка безнадежности. Надежда напряглась, ожидая, что сейчас услышит печальную исповедь. Казалось, другого просто быть не может. Но вместо тихих, как шорох травы, слов, на которые она настроилась... вдруг оглушающе резко заскрипели ступени лестницы под тяжелыми, явно неженскими шагами.

Надежда дернулась всем телом... и открыла глаза. Лампа погасла – видимо, в ней кончился керосин, и портрет освещала лишь полная луна, заглядывающая в окна. В ее призрачном голубоватом свете изображенная на полотне женщина выглядела строже, отстраненнее, но ее тоскующий взгляд по-прежнему был устремлен на Надежду.

– Вот ч-черт! – раздалось за дверью, и одновременно с восклицанием послышался грохот, словно кто-то оступился с лестницы и чуть было не сверзился. – Так и шею свернуть недолго! И что меня сюда понесло?

Надежде вмиг стало не до дамы на портрете. И о чем, спрашивается, она думала, собираясь провести ночь в пустом доме? Одно дело – тетя Нила, которую все знали и уважали, другое дело – никому не известная девица из столицы. Господи, да тот, кто вот-вот распахнет дверь, скорее всего, вообще не подозревает, что в комнате кто-то есть. Страшно представить, как этот неизвестный поступит, обнаружив в постели молодую особу. И ночная рубашка с длинными рукавами вряд ли послужит ей надежной защитой. Здесь пригодились бы железные латы, да и то вряд ли помогли бы. Хорошо бы отключиться и не знать, что последует дальше. А затем... Может, будет лучше, если о «затем» она так никогда и не узнает?..

Надежда что есть силы вжалась спиной в стену, украшенную гобеленовым ковриком, на котором охотник целился в оленя, выбирающегося из воды на другом от него берегу. В детстве Надежда убедила себя в том, что олень успеет скрыться в зарослях, прежде чем охотник выстрелит. Но у нее самой не было возможности спрятаться, и она, с головой накрывшись одеялом, крепко зажмурилась.

Какое-то время она слышала смачные ругательства, грохот мебели, на которую натыкались впотьмах, затем с шумом упали на пол ботинки. Сначала один, затем – через некоторое время – другой. А потом... потом старые пружины чуть скрежетнули и матрас просел под тяжестью рухнувшего на него тела.

Надежда набрала в рот побольше воздуха и перестала дышать, по-прежнему не открывая глаз. Перед ней поплыли красные и черные круги, в висках тяжело застучало... и она провалилась в небытие...

* * *

– Ну и где я тебя подцепил, хотелось бы знать? – услышала Надежда недоуменный и одновременно недовольный мужской голос. – Нет, точно пить надо меньше.

Она чуть приоткрыла один глаз и из-под ресниц увидела сначала трехстворчатый шкаф, а чуть скосив взгляд – заросшего трехдневной щетиной мужчину лет тридцати с небольшим, что развалился в кресле возле шаткого столика под портретом, положив босые ноги одну на другую. Коротко стриженные волнистые темно-русые волосы незнакомца торчали во все стороны, довольно правильные черты портило смурное выражение лица. Одет он был в сильно потертые джинсы и несусветно мятую светло-голубую рубашку. В руке он держал пустую рюмку.

«Выпил тети-Нилину водку и съел ее хлеб, – пораженно подумала Надежда. – Разве так можно?»

– Чего молчишь? – недружелюбно спросил незнакомец, не спуская с нее глаз. – Я же вижу, что ты проснулась.

Надежда осторожно перевела дыхание и чуть пошевелила мышцами затекшей спины. Кажется, она так и провела ночь, распластавшись вдоль стены – словно масло, тонким слоем намазанное на бутерброд. Затем судорожно вцепилась пальцами в край одеяла возле самого горла. Господи, и зачем она только проснулась?

– Вы меня нигде... нигде не подцепили, – с трудом произнесла она пересохшими от волнения и страха губами и облизнула их языком. – Я тут... спала.

– Ясное дело – спала, – ухмыльнулся небритый тип, и Надежде стало еще страшнее. – А до этого ты где была?

– В Москве, – прошептала Надежда.

Молодой человек потер щетину на подбородке и задумчиво протянул:

– В Москве, говоришь... А я тогда где был?

– Не знаю, – честно сказала Надежда.

– И я не знаю, – признался ей незнакомец и нахмурился. – Но точно не в Москве. И где же тогда мы с тобой, черт побери, встретились?

Надежда чуть не разрыдалась, настолько нелепым был ее ответ:

– Здесь.

– Где здесь?

– На этой кровати, – произнесла она тише шелеста листвы в ясный безоблачный день.

Однако молодой человек услышал и встрепнулся. Глаза его плотоядно сверкнули. Изящная блондинка со спутанными длинными волосами, вконец растерянная и вне себя от ужаса, меньше всего походила на особу, которую можно подцепить неизвестно где и затащить в постель. Но какие могут быть сомнения после ее же собственного признания?

– Ага. Это в корне меняет ситуацию, – раздалось в ответ, и небритый незнакомец сделал попытку выбраться из кресла.

– Вы меня не так поняли! – в страхе закричала Надежда. – Я уже была здесь, когда вы вошли в комнату!

Ее собеседник, пытаясь состыковать свои и ответные фразы по смыслу, нахмурился, напрягся... и, потеряв равновесие, снова упал в кресло. Надежда решила взять инициативу в свои руки, пока он снова не решил приблизиться к ней.

– Поймите, я спала, а вы ввалились ко мне в комнату! Я так испугалась, что, кажется, даже потеряла сознание и пришла в себя только что!

Молодой человек неистово затряс головой, словно надеясь таким образом уложить мысли в нужном порядке. Видимо, не получилось.

– Повторите, пожалуйста, еще раз то, что вы только что сказали, – попросил он.

«Пожалуйста» и «вы» слегка успокоили Надежду, и она выполнила просьбу незнакомца, произнося слова медленно, членораздельно, для вящей убедительности дополняя объяснения всяческими подробностями своего появления в этом доме и в этой комнате.

– Итак, – произнес молодой человек, когда она замолчала, – насколько я понял, этот дом раньше принадлежал вашей тетке, а теперь он перешел в вашу собственность. Все верно?

– Не совсем, – призналась Надежда, чуть осмелев. Правильная, даже интеллигентная – чего нельзя было сказать о его внешнем виде и поведении – речь незнакомца внушала некоторое доверие. – Я еще не вступила в права наследования. Но это, как вы понимаете, дело нескольких дней. Поэтому можно сказать, что да, дом мой.

– Ясно... – протянул молодой человек и задумался.

Прошла минута, другая, третья... десятая, а он все продолжал сидеть молча, свесив голову и сплетя пальцы перед грудью.

«Интересно, и долго он собирается здесь торчать?» – расхрабрившись, подумала Надежда, почему-то решив, что бояться ей больше нечего.

– Эй, вы, часом, не заснули? – полюбопытствовала она. – И вообще, кто вы такой и как оказались в моем доме?

Незнакомец поднял взгляд, и Надежда поежилась. В устремленных на нее темно-серых, чуть прищуренных глазах явственно читался вопрос: «Ну и что мне теперь с тобой делать?»

– Это мой дом, – уже тише и словно извиняясь, повторила девушка и втянула голову в плечи.

– Да понял я, понял, – ответил молодой человек и досадливо поморщился, однако покинуть комнату, как рассчитывала Надежда, намерения не выказал. – Полагаю, нам предстоит серьезный разговор. Вы пока одевайтесь, а я выйду и подожду вас внизу.

«Ну наконец-то», – облегченно вздохнула Надежда и вслух произнесла:

– Только ботинки свои заберите... пожалуйста.

– Конечно, куда ж я без них, – нарочито тяжело вздохнул ее собеседник и не без труда выбрался из кресла. Затем отыскал оба ботинка – это на поверку оказалась пара сине-белых кроссовок – и, держа их за шнурки, как дохлых крыс за хвостики, босиком прошлепал к двери. Но на пороге он обернулся и напомнил: – Так я вас жду, поторопитесь.

– Он еще и командует, – прошипела Надежда, предусмотрительно подождав, когда за непрошеным гостем закроется дверь.

Он обосновался в кухне, где явно чувствовал себя хозяином. Вскипятил воду на плите, поставил на стол сахарницу и чашки с блюдцами, заварочный чайник и банку с растворимым кофе, нарезал хлеб, довольно аккуратно разложил на тарелочках кусочки колбасы и сыра.

– Присаживайтесь, – предложил он Надежде, делая гостеприимный жест рукой. – Сначала, если не возражаете, подкрепимся, а потом и поговорим.

– Не возражаю, – буркнула она, раздраженная тем, что ею помыкает какой-то небритый алкаш, пусть и вполне сносно владеющий родным языком.

Завтракали не спеша и стараясь не встречаться взглядами. Надежде было не по себе, ее визави явно никак не мог прийти в чувство после бурно проведенной ночи.

«Вот послал Бог собеседничка, – мысленно негодовала девушка, не зная, как начать разговор. – Поскорее бы с ним разобраться и выставить его вон. Наверняка решил, что раз в доме несколько месяцев никто не живет, то он может здесь расположиться со всеми удобствами...»

– Ну а теперь перейдем к делу, – заявил незнакомец, перехватывая у нее инициативу в ведении диалога. – Как вас звать-величать?

– Надеждой, – ответила она и уточнила: – Надеждой Павловной.

– А фамилия?

– Ивановская. Как у тети! Может, и паспорт показать? – с вызовом произнесла она.

– Пока не надо, – задумчиво ответил наглый тип и добавил: – Всею свое время.

Надежда даже задохнулась от негодования:

– Да как вы смее? Сам-то вы кто такой?

Он поднял на нее отрешенный взгляд, будто она своими нелепыми вопросами отвлекает его от решения важной проблемы.

– Сам-то я Владимир. Можно Володей звать или Вованом, если нравится. А фамилия моя Волков, но в данной ситуации это не важно.

– А что же, по-вашему, важно в данной ситуации? – съязвила Надежда.

– Как мы с вами будем жить здесь вместе.

– Мы? Вместе? Да никак мы с вами жить здесь не будем! – забывшись, завопила она. – Это мой дом, так что убирайтесь отсюда подобру-поздорову, да поживее!

– Э-э, нет, – покачал головой Владимир, он же Володя, он же Вован. – Дело в том, что с вашей тетей Неонилой Порфирьевной Ивановской мы еще в прошлом году договорились, что проведем здесь следующее, то есть это, лето.

– Во-первых, тетя умерла, как вам, наверное, известно. А во-вторых, кто это «мы»? – спросила Надежда, неожиданно ощутив, что ее воинственный пыл иссяк.

– Отвечаю по порядку, – усмехнувшись, произнес Владимир. – Нам известно, что ваша тетя умерла, но прежде мы успели заключить с ней договор на аренду части этого дома. Вы удовлетворены ответом? – Надежда так и замерла с открытым от изумления ртом. – Будем считать, что молчание – знак согласия, – с любезным кивком сказал он. – А мы – это я и мои друзья-приятели: Филипп Корш, он же Коржик, и Богдан Приходько, он же Богдаша. Через день-другой вам представится возможность с ними познакомиться. В данный момент они в отъезде.

– Они... они что, тоже здесь живут?

– Тоже, – подтвердил Владимир и выжидающе уставился на потерявшую дар речи Надежду. – Есть еще вопросы, или вам надо время, чтобы осмыслить услышанное?

– Мне... мне хотелось бы удостовериться, что договор, о котором вы упомянули, существует на самом деле, – сказала Надежда таким тоном, словно увидела спасительный огонек в непроглядном мраке ночи.

– Да ради бога! – иронично усмехнулся молодой человек и, поднявшись из-за стола, направился в комнату.

Вернулся он через пару минут, держа в руках какой-то документ с печатью. Даже не вчитываясь в текст договора, Надежда поняла, что Владимир ей не соврал. Она не знала, что сказать, и, обреченно опустив голову, уставилась на полустертые незабудки, украшавшие клеенку на столе.

Словно сжалившись над растерявшейся девушкой, молодой человек снисходительно похлопал ее по руке и сказал:

– Ну что вы так расстроились! Уверяю вас, мы трое – отличные парни. Вам еще повезло, что именно мы положили глаз на этот дом, а не кто-нибудь иной.

Надежда отдернула руку, словно до нее дотронулись раскаленным железом. Как ненормальная бросилась она вон из кухни, стрелой взлетела по лестнице и, захлопнув входную дверь, заперла ее на задвижку.

– Ну как ты могла, тетя Нила?! – с укоризной в голосе воскликнула Надежда, обращаясь к портрету. – Хоть бы со мной посоветовалась или предупредила, на худой конец!

Но женщина в светлом сером платье и с полузавядшей розой в руке вся была во власти своих переживаний, и Надежде никак не удавалось перехватить взгляд ее чуть раскосых миндалевидных глаз...

* * *

Надежда не знала, как поступить: и бросить дом на разграбление троим молодчикам было невозможно, и оставаться с ними наедине как-то боязно. Поразмыслив, она решила, что, поскольку сердцем не чует беды неминуемой, то какое-то время пожить здесь может. Во всяком случае, до того момента, когда появятся двое приятелей Вована. Так она в сердцах прозвала, как выяснилось, арендатора теткиного дома. Может, когда все они соберутся вместе, решение, как быть дальше, придет само собой.

Пока же Надежда выставила Вовану ультиматум: раз она какая-никакая, а все-таки хозяйка дома, то весь верхний этаж будет в ее распоряжении и подниматься сюда квартирантам строго запрещено. Кухней, душем и прочими благами цивилизации, расположенными внизу, они будут пользоваться сообща. В тетину комнату вход также заказан всем, кроме нее. А две другие комнаты на первом этаже – та, что с телевизором, и та, что с диваном, на высокой спинке которого приделана деревянная полочка и стоят семь мраморных слоников, – пока... пока перейдет во временное владение троицы приятелей.

Вован пожал плечами:

– Нашли чем испугать. Мы и не в таких условиях жили. Только, чур, темную кладовую, что за кухней, мы возьмем себе и будем там хранить наши вещи. Под замком, и ключ оставим себе! – с нажимом заключил он.

– Ну ладно, – согласилась Надежда, прикинув, что ничего, кроме запасов картошки и квашеной капусты, там никогда не хранилось.

– Да, кстати, может, вы бы нам готовить согласились, а мы бы продукты покупали? – спросил Вован с наивным видом, и в Надежде тут же вскипело праведное негодование.

– Даже не надейтесь! Прислугу себе поищите в другом месте! – отрезала она и, гневно пыхтя, потопала к себе вверх.

Вечером в кухне за одним столом они ели каждый свои бутерброды: Вован – поглядывая на девушку с откровенной насмешкой, она же подчеркнуто делая вид, что не замечает его. Конечно, можно было бы подняться пить чай в свою комнату, но тогда получалось бы, что она сдает позиции, не рискует находиться на отошедшей в общее пользование по условиям ее же ультиматума территории...

Глава 6

Она шла по берегу широкой реки и улыбалась всему вокруг – цветам, деревьям, птицам, сверкающей воде, проходящим мимо людям в странной, несовременной одежде. Дала копеечку какому-то чумазому босоному мальчугану, расспросила о здоровье идущую навстречу пожилую женщину. И наконец дошла до такого места, где ей уже никто не мог повстречаться. Там она закружилась, раскинув руки и закрыв глаза. Счастье переполняло ее, так же как солнце заливало своими лучами все окрест нее. А ведь ничего особенного, если вдуматься, не произошло. Просто он проскакал мимо нее на лихом коне, перехватил ее взгляд, а потом, обернувшись, посмотрел ей вслед.

Она, взглянув на него из-под ресниц, почувствовала, как часто и гулко забилося сердце, смутилась, неистово покраснела и пошла своей дорогой, глядя прямо перед собой и не слушая того, что говорит ей идущая рядом старушка в платке на голове и шали на плечах...

Это был удивительно приятный сон, и Надежде не хотелось открывать глаза. Стоит только чуть дрогнуть ресницам, и дивная солнечная картинка улетучится из памяти, а вместе с ней, скорее всего, и ощущение невероятной легкости и полнейшей безмятежности. А как всего этого ей сейчас не хватало!

«Словно художественный фильм показывали, – подумала она. – Жаль, что нельзя заказать следующую серию на будущую ночь. Так бы и смотрела, как сериал из жизни наших бабушек или прабабушек».

Эта мысль спугнула-таки сон, но хорошее настроение осталось. Когда же Надежда, осторожно ступая, спустилась на первый этаж, оказалось, что Вована дома нет, и тогда на душе у нее стало во сто крат лучше.

«Как было бы здорово, если бы тете Ниле не пришла в голову эта странная идея сдать дом», – размышляла она, принимая душ, а после не спеша готовя себе яичницу с ветчиной и кофе.

Когда с завтраком было покончено, Надежда воровато посмотрела из окна на улицу – не видно ли кого поблизости. Но вокруг, куда ни глянь, не было ни души. Тогда она, крадучись, хоть и была одна дома, приблизилась к двери в чулан и толкнула ее ладонью. Потом еще раз, уже сильнее.

– Запер, как и обещал, – недовольно проворчала девушка, вдруг обидевшись на столь откровенное по отношению к ней проявление недоверия. – Уж не считает ли он, что я могу что-то у них стащить? Интересно, что там спрятано, вряд ли сокровища. А вообще, стоило бы поточнее узнать, что они за люди. Может, по этой троице тюрьма давно плачет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.